

К 125-летию со дня рождения Н. И. Вавилова

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ, С. В. ШАЛИМОВ*

«ШЕСТОЙ КОНТИНЕНТ» Н. И. ВАВИЛОВА

Документы из партийных фондов Санкт-Петербурга, впервые вводимые в научный оборот, освещают первые «атаки» на Н. И. Вавилова, начавшиеся в годы «культурной революции» (1929–1932). Как следствие, уже к 1932 г. он потерял независимость в кадровой политике и в значительной степени утратил контроль над возглавляемыми им учреждениями. Тогда же были выдвинуты и главные обвинения в адрес Вавилова в ошибочности выбранных им стратегий исследований, отрыве от практики, выдвигании чуждых марксизму теорий, приверженности буржуазной науке. Кроме того, выявленные документы свидетельствуют против культивируемого в настоящее время мифа о том, что конфликт между Вавиловым и сторонниками Т. Д. Лысенко – это конкуренция двух научных школ, лидеры которых добивались от властей финансовых, материальных и людских ресурсов. С самого начала критика Вавилова инспирировалась и контролировалась партийными структурами, а его противники в основном руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями. Первые «атаки» на Вавилова начались еще до появления Лысенко в качестве сколь-нибудь значимой фигуры в сообществе агрономов и селекционеров. В свою очередь, научная составляющая дискуссий была очень незначительна и не могла бы в нормальных социально-политических условиях иметь столь трагические последствия для многих ее участников. Тем самым основные черты «лысенковщины» как социально-политической практики в советской науке сложились до начала борьбы генетиков с лысенкоистами.

Ключевые слова: «культурная революция», Н. И. Вавилов, А. В. Альбенский, Г. И. Быков, ВИР, ВАСХНИЛ, ЦКК РКИ, газеты, партбюро.

Трагическая судьба всемирно известного ученого Н. И. Вавилова неразрывно связана со сложной историей Отечества во второй четверти XX века. К настоящему времени опубликовано бесчисленное количество российских и зарубежных работ, посвященных его жизни и научной деятельности, блестящим научным достижениям и формированию мощной научной школы мирового значения, непростым отношениям с партийно-государственным аппаратом и, наконец, трагической гибели в «застенках» НКВД¹.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00093а.

¹ См., например: Николай Иванович Вавилов: очерки, воспоминания, материалы / Отв. ред. С. Р. Микulinский. М., 1987; *Левина Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... М., 1995; Суд палача. Николай Иванович Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы / Сост. Я. Г. Рокитянский, Ю. Н. Вавилов, В. А. Гончаров. М., 1999; *Kolchinsky, E.* Nikolaj Ivanovich Vavilov (1887–1943) // Darwin & CO. Eine Geschichte der Biologie in Portraits. München, 2001. S. 77–94; *Есаков В. Д.* Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М., 2008; *Pringle, P.* The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the Twentieth Century. New York, 2008; *Nabhan, G.* Where Our Food Comes From: Retracing Nikolaj Vavilov's Quest to End Famine. Washington, 2009 и др.

Казалось бы, «дело Вавилова» изучено досконально и все точки над *i* уже расставлены. Тем не менее новые документы, извлеченные нами из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, проливают свет на один из важнейших этапов в жизни Вавилова и позволяют по-новому взглянуть на причины «травли» ученого, его взаимоотношения с «народным академиком» Т. Д. Лысенко и в целом на ситуацию в советской биологии конца 1920-х – начала 1930-х гг. В сущности, выявлен «переломный момент» в деятельности Вавилова, когда он достиг зенита своей карьеры, после которого стал стремительно терять контроль над своим «детисцем» – Всесоюзным институтом прикладной ботаники и новых культур / Всесоюзным институтом растениеводства (ВИПБиНК/ВИР), а также авторитет в глазах партийно-государственной элиты, становясь объектом «нападок» и «травли», закончившихся, как известно, его гибелью в саратовской тюрьме в январе 1943 г.

*Николай Иванович Вавилов
(Архив СПбФ ИИЕТ РАН)*

«Культурная революция» и первые критики Н. И. Вавилова (1929 – середина 1930 г.)

Весной 1929 г. в СССР началась «культурная революция», борьба со старорежимной профессурой, диалектизация биологии марксистами-генетиками. Отстраненность Вавилова от попыток создать «пролетарскую биологию» и приверженность эволюционным концепциям ранних генетиков давали простор для обвинений его в идеологических ошибках, в защите «буржуазных специалистов», в «зажиме молодежи». Еще опаснее оказались форсированная коллективизация, резкий спад сельскохозяйственного производства, голод и поиск «козлов отпущения» в виде лидеров «правого уклона» в партии, фабрикация дел против интеллигенции и т. д. Арестованные Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, А. В. Чянов были многолетними друзьями и коллегами Вавилова, он ходатайствовал об их освобождении, что вряд ли нравилось тем, кто был инициаторами их преследования. Отстранение от власти А. И. Рыкова и Н. П. Горбунова лишило его правительственной поддержки тех, с кем задумывались крупномасштабные проекты организации сельскохозяйственной науки в СССР. С арестом заместителя наркома земледелия СССР А. Г. Берзина

был потерян еще один канал взаимодействия с властными структурами. Для любого другого одного из этих факторов было достаточно, чтобы прервать самую успешную карьеру. Но на стороне Вавилова было мировое признание, большое число сторонников в ВИРе, высокий авторитет в международном сообществе и, наконец, лояльность Ленинградского обкома ВКП(б). Тем не менее «год великого перелома» стал для Вавилова вершиной его научно-организационной карьеры и началом критики его парторганизацией собственного ВИПБиНК, созданного им в 1924 г. на базе прежнего Бюро прикладной ботаники Министерства земледелия.

С первыми попытками парторганизации контролировать его действия Вавилов столкнулся сразу же после Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и животноводству (10–16 января 1929 г., Ленинград) – грандиозного научно-политического шоу по пропаганде достижений генетики. От имени правительства около 1500 участников съезда приветствовал секретарь Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров, заявивший о «союзе труда и науки» на «ленинской обновленной земле». Съезд продемонстрировал, что Вавилов – признанный лидер сельскохозяйственной науки и генетики. Тем не менее бюро коллектива ВКП(б) Государственного института опытной агрономии (ГИОА) и ВИПБиНК решило «привлечь марксистские силы к докладам на съезде»², но поскольку его мнение не было учтено, решило «донести до сведения вышестоящих парторганизаций, что партчасть выбрана в организационную комиссию съезда без участия бюро»³.

С момента учреждения в середине 1929 г. в ВИПБиНК партийной ячейки некоторые ее члены стали проявлять к Вавилову враждебность. Уже на одном из первых собраний, где с установочным докладом выступил секретарь бюро партийной ячейки Н. Г. Касаткин, многие критически оценивали состояние института⁴. Н. Гейликман, Т. Г. Нестерович, С. М. Прокошев, А. П. Тимофеева и другие говорили о враждебных и упаднических настроениях в коллективе, неправильном подборе кадров без учета их социального происхождения и партийности, сопротивлении специалистов задачам строительства социализма, зажиме агрономического направления и излишнем теоретизировании. С подобными пессимистическими оценками не согласился селекционер М. В. Чумак. Специалист по овсам М. Ф. Петропавловский отверг главные замечания в адрес института:

Я не согласен, что ин[ститу]т оторван от жизни, это можно сказать только о части сотрудников, но не о целом коллективе [...] сотрудники сильно перегружены, жизнь идет таким темпом, что мы не успеваем в своем развитии за жизнью⁵.

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 1 об.

Всероссийский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова (фото Э. И. Колчинского)

В заключительном слове Касаткин, признав необходимость повышения «ответственности, дисциплинированности производственного пафоса», заявил, что не согласен также с высказываниями, что «ин[ститу]т абсолютно оторван от жизни»⁶. Так наметилось противостояние сил в партбюро. В дальнейшем активность критиков, как правило, усиливалась во время зарубежных поездок Вавилова и стихала с его появлением в ВИПБиНК/ВИРе.

Главные причины нападков на Вавилова со стороны членов партии, работавших в ВИПБиНК, не были связаны с положением в институте, где еще в 1927 г. часть сотрудников (Д. Д. Арцыбашев, А. Г. Лорх, А. К. Коль и др.) считали, что институт выбрал неверный путь развития с сильным акцентом на работе с коллекциями. Некоторых раздражали успехи лидера генетиков Вавилова, его зарубежные поездки, международное признание, поддержка со стороны правительства. Чтобы эта обычная для творческого сообщества обстановка переросла в затяжную борьбу, должна была сложиться уникальная комбинация идеологических и политико-экономических факторов.

«Культурная революция» ускорилась после пленума ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г., решившего реорганизовать вузы и научные учреждения, укрепить их кадры членами партии и комсомола, выходцами из рабочего класса, планировать и контролировать научные исследования, взять в свои руки подготов-

⁶ Там же. Л. 2.

ку кадров в области естествознания. В письме, направленном в Президиум Коммунистической академии в декабре 1929 г., А. К. Тимирязев отмечал, что аспиранты готовятся по узкой тематике, прежние профессора ничего не могут дать, кроме знаний в своей области ⁷. Речь И. В. Сталина «К вопросам аграрной политики» в Комакадемии положила начало дискредитации признанных авторитетов в отдельных отраслях науки ⁸. «Вождь народов» указал на отставание теоретического фронта от «успехов социалистического строительства» и убеждал, что практика опровергает возражения науки и ученым следует поучиться у практиков. Сталин освятил главный лозунг «культурной революции» в науке: теоретическая наука есть пустое самоутверждение и скорее вредна, чем полезна, для социалистического строительства.

Попытка взять под партийный контроль подготовку кадров имела прямое отношение к ВИПБиНК, где в 1929 г. появились 19 аспирантов, из которых 13 (72,2 %) были членами партии и комсомольцами, а по социальному положению преобладали выходцы «из рабочих 3 (15,78 %), крестьян 10 человек (52,63 %)» ⁹. Почти все члены партии имели солидный стаж, опыт ответственной работы и пришли не столько учиться, сколько учить других. Сама система обучения была нацелена на идеологическую подготовку, а не на овладение специальностью, что позволяло им чувствовать себя выше учителей. В отчетном докладе партийной ячейки ВИПБиНК за 1928–1929 гг. подчеркивалось: «Введенный институт аспирантов с первого же года внес живую струю в научный персонал и полностью себя оправдал» ¹⁰.

Насчет оживления – это уж точно, а насчет полного оправдания можно и поспорить. Большинство аспирантов, действительно, приняло нормы научной работы и поведения в институте и стали со временем прекрасными специалистами вавилонской школы (например, Ф. Х. Бахтеев), в то время как другие (А. В. Альбенский, Н. А. Басова, Н. Гейликман, А. И. Лусс, Т. Г. Нестерович, Г. Н. Шныков) присоединились к внутринститутским критикам Вавилова, подводя под существовавшие разногласия по вопросу о том, чем должен заниматься институт, политико-идеологическую основу. Стремясь втянуть несогласных с ними аспирантов в борьбу с Вавиловым, они обвиняли их в аполитичности и деляческом отношении к работе (Альбенский) ¹¹. В итоге жизнь научного коллектива, партийчейки и партбюро превратилось в серию беспрерывных заседаний, принятий резолюций, разоблачений и обращений в «соответствующие органы», а также разбора каких-то склок и постоянных перевыборов партийцев, «не оправдавших доверие» и «пошедших на поводу у дирекции». За полтора года партбюро и его секретари переизбирались 5–6 раз.

Аспиранты, прикрепленные к ВИПБиНК, первые два года подчинялись Ленинградскому институту аспирантуры ВАСХНИЛ, возглавляемому бывшим

⁷ Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–3.

⁸ Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г // Сталин И. В. Сочинения. В 13 т. 1949. Т. 12. С. 141–172.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

матросом Г. И. Быковым, о котором Е. Н. Синская писала как о человеке «с зычным голосом, необычайно склонным к грозным митинговым выступлениям»¹². Он активно участвовал в партийных собраниях, где обсуждалось положение в ВИРе и результаты его проверок бригадами Ленинградского обкома и Октябрьского райкома ВКП(б), Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА). Быков ничего не понимал в обсуждаемых проблемах, но знал, когда признавать инкриминируемые ошибки, а когда категорически отвергать, когда критиковать Вавилова, а когда его увещать и порой даже защищать. Он вряд ли вынашивал какие-то планы по свержению Вавилова, искренне радел за институт и был уверен в чистоте и праведности своих помыслов. Только когда институт аспирантов закрыли, Быков стал уверять, что «авторитет Вавилова слишком преувеличен»¹³.

Иначе обстояло дело с амбициозными аспирантами, среди которых выделялись Альбенский, Гейликман и особенно Шлыков, известный позднее как активный сторонник Лысенко в ВИРе. Вскоре после зачисления в аспирантуру и прикрепления к отделу интродукции он с «партийной прямоотой» стал критиковать Вавилова за недостатки в организации исследований, неправильную их тематику, отсутствие практически значимых работ. Судя по спискам членов парткома, все образование Шлыкова ограничивалось сельской школой и было получено еще до революции. Но он был явно политически подкован, внимательно следил за передовицами центральных газет и быстро улавливал колебания в генеральной линии.

Однако идейным вдохновителем и организатором «атаки» на Вавилова был все-таки не Шлыков, как принято считать, а Альбенский. Ученик Ярославской духовной семинарии, он прошел традиционный путь советского активиста: учитель, секретарь волостного комитета бедноты, доброволец в войсках ВЧК, инструктор в политотделе Красной Армии, комиссар Пермского университета, секретарь районного и городского комитетов РКП (б), член исполкома Пермского округа и бюро окружного профсоюза. В 1930 г. Альбенский закончил Пермский университет, будучи уже в аспирантуре ВИРа, которую завершил в 1931 г. Дендролог по специальности, он в каждом выступлении щеголял именами классиков философии и подводил идейно-политическую основу под любую научную теорию. В его речах карьерные устремления прикрывались рассуждениями о философско-методологической, политико-идеологической и социально-экономической вредности всех научных теорий и взглядов, кроме разделяемых им.

Опираясь на богатый опыт партийно-советской карьеры и связи, далеко не юные аспиранты-партийцы порой искренне верили в свое историческое предназначение возглавить научные исследования. Недостатки профессиональной подготовки в дискуссиях компенсировались социальной демагогией, требованиями «чистки» кадров, предоставления им руководящих должностей взамен уволенных специалистов, занимавшихся теоретическими исследованиями, не имевшими, по их мнению, практического выхода. Не получая поддержки

¹² Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавиллове. Киев, 1991. С. 148.

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 115.

администрации, они сигнализировали в «соответствующие органы», инициируя проверки и разбирательства с привлечением властных структур. Вечный конфликт «поколений в науке» в условиях «культурной революции» приобрел политико-идеологическое, а затем и криминальное звучание.

Организованные атаки (вторая половина 1930 – первая половина 1931 гг.)

Яркой иллюстрацией обстановки в ВИРе в рассматриваемый период являются материалы закрытого пленума коллективов ВКП(б) и ВЛКСМ при ВАСХНИЛ, состоявшегося 8 октября 1930 г. и посвященного обсуждению статьи в «Комсомольской правде»¹⁴. Открывая прения, автор статьи, секретарь парторганизации Гейликман сказал, что институты ВАСХНИЛ не имеют ни планов, ни практических результатов: «люди не знают, что делать», никто не может дать конкретных рекомендаций, «где, что и как сеять», «у комсомольцев и партийцев нет чутья» на вредительство, они «не желают следить за работой институтов»¹⁵. Многие выступавшие в прениях (Н. В. Ковалев, Г. И. Быков, Норкина, Бакланов, Брундуковский, Лебедев, Соболев, А. П. Тимофеева) причину сложившего положения видели в том, что аппарат президиума бездействует, его руководство постоянно находится за границей (Н. И. Вавилов и А. И. Гайстер) или в Саратове (Н. М. Тулайков) и т. д. Они подчеркивали, что «ученые специалисты почти все из дворян», занимаются саботажем, а администрация их покрывает, а значит «нужна чистка»¹⁶. Часть вины перекладывали на партийные и контрольные органы. Так, Лусс отмечал, что по сигналам из ВИРа работала комиссия ЦК ВКП(б) и обещала дать «красных профессоров», но их до сих пор нет, как нет и оргвыводов¹⁷. Кудрашов напомнил, что давно говорил «о контрреволюционном ядре академии», что

была комиссия обл. РКИ и райкома ВКП(б), но дело как-то замяли. Легкая кавалерия шевельнет; и мы заговорили опять, но делаем мало¹⁸.

¹⁴ Речь идет о публикации «Комсомольской правды» (4 октября 1930 г.) с критикой ВАСХНИЛ, которая вместе с аналогичной статьей «Ленинградской правды» (7 декабря 1930 г.) вывела конфликт в ВИРе на новый уровень, вовлекая в него Октябрьский райком и Ленинградский обком ВКП(б). Именно после названных публикаций в ВИРе появились различные обследовательские бригады из партийных органов, в том числе из Ленинградского отделения Коммунистической академии, Центрально-контрольной комиссии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции и др.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

¹⁶ Там же. Л. 36–39.

¹⁷ Там же. Л. 39.

¹⁸ Там же.

И. И. Презент, В. И. Разумов, К. М. Завадский в ЛГУ (Архив СПбФ ИИЕТ РАН)

Ряд выступавших просили прислать новые комиссии и бригады. Подобные упреки отверг представитель областного РКИ Вульф:

Выдвинутое тов. Тимофеевой предложение о политических комиссарах неверно. Каждый комсомолец, каждый партиец есть политический комиссар и работник ГПУ ¹⁹.

В заключительном слове Гейликман отметил, что цель публикации —

привлечь внимание общественности к безобразнейшему положению в академии. Президиум академии не справляется с руководством, точно также и парторганизация ленинградских институтов,

охарактеризовав ее действие как «самую настоящую правооппортунистическую практику» ²⁰. Подводя итоги, секретарь партбюро ВАСХНИЛ Дегтярев заверил, что «наше собрание можно считать первым итогом борьбы за ленинскую академию», пообещал «подходить к специалисту с политической точки зрения» и согласился: «Ин[ститу]т растениеводства занимается не делом» ²¹.

Как уже отмечалось, на первоначальном этапе «прессинга» активность критиков, как правило, обострялась во время зарубежных поездок Вавилова

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 40.

²¹ Там же.

и стихала с появлением его в ВИПБиНК/ВИРе. Однако в начале 1931 г. ситуация кардинально изменилась и Вавилову впервые пришлось столкнуться с жесткими претензиями, высказанными в его присутствии.

17 января 1931 г. «Ленинградская правда» сообщила о возвращении Вавилова из полугодовой командировки. За время своего длительного заграничного путешествия он посетил страны Центральной Америки, Мексику, США, а также Францию и Германию²², но, видимо, не мог и предположить, что главные испытания и трудности ожидают его в родном детище – Всесоюзном институте растениеводства. Ему, посетившему более сорока стран на пяти континентах, пришлось столкнуться с неведомым в мире явлением, когда внедренная в ВИР парторганизация стала для него своего рода «шестым континентом», погубившим отважного путешественника.

Прежде всего Вавилов был потрясен тем положением, в котором находился институт. С горечью он говорил позднее:

Я приехал три недели назад и скажу, что я не видел институт в таком положении приблизительно с 20 [года], половина зданий не топлена, аудитории не топлены, библиотека – мозг академии – не топлена. Как можно готовить будущие кадры аспирантов при 5–6 градусах. Аспиранты не имеют достаточно нормальных условий²³.

Но еще больше его потрясла «разруха в головах», навязываемая коллективу группой партийных критиков. Тем не менее Вавилов не дрогнул и вступил в «бой» за свое любимое детище.

В этой связи представляется целесообразным привести стенограмму одного из наиболее острых по накалу страстей заседаний бюро ячейки ВКП(б), на котором обсуждался вопрос об аспирантуре и на котором Вавилов впервые подвергся открытой «атаке» со стороны партийной организации института. Дата собрания в стенограмме не указана, а на папке ошибочно написано 1929 г. Но из выступлений, а также из документов Общества биологов-марксистов (ОБМ) ЛОКА видно, что оно проходило скорее всего 9 февраля 1931 г., через три недели после возвращения Вавилова. Роль застрельщика дискуссии взял на себя Быков, заявивший о том, что ВИР не выполняет решения XVI съезда партии ВКП(б), «не выкорчевал корни чаяновщины» и зловеще предупредил: «...надо признать и вспомнить, что в основном чаяновская организация немало сделала для нашего института, недаром они сидят сейчас под замком»²⁴.

По его словам, обследовавшая ВИР бригада подтвердила выводы А. К. Коля²⁵, и «теперь наше положение определенно неблагоприятное и

²² Об итогах своего заграничного вояжа Вавилов рассказал в публикациях «Красной газеты» (18 января 1931 г.) и «Социалистической реконструкции» (20 января 1931 г.).

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 111.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁵ Напомним, 29 января 1931 г. газета «Экономическая жизнь» опубликовала статью не-примиримого врага Вавилова, бывшего заведующего отделом интродукции ВИРа А. К. Коля «Прикладная ботаника или ленинское обновление земли? Лицом к нуждам социалистического строительства». Автор обвинил ВИР в подмене теории «ленинского обновления земли» теорией «о центрах происхождения изменчивости», в профессорском копании в «ни к чему не приложимых томах “прикладной ботаники”», в отказе от агрономически-селекционной работы и подмене ее морфолого-систематической, в «противодействии введению в элитный фонд иностранных ценных пород» и т. д. Кроме того, Коль предложил ограничиться закупкой и интро-

Открытие Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и животноводству (10 декабря 1929). (Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и растениеводству. Т. 1. Л., 1930).

неблагополучное». Быков грозно рявкал: «Необходима диктатура пролетариата», «никаких идеологий мы не позволим», «прекратить отрыв администрации от партийного коллектива», «часть наших профессоров, которая не целиком к нам повернулась, убрать и дать дорогу молодым». В то же время он лавировал, заявляя:

Вавилов целиком и полностью наш. Он целиком и полностью заявил, что не берет на себя защиту этих враждебных элементов, что если потребуется чистка, то он возьмет это на себя, не думаю, что Николай Иванович спасует ²⁶.

Быков призывал ликвидировать разрыв между парторганизацией и дирекцией, предупреждая всех, что партия будет руководить профессорами, а не наоборот, и что институт будет вести решительную борьбу со всеми формами антидарвинизма, включая ламаркизм. Остановившись на брошенном Колем

дукцией иностранных сортов. Следует отметить, что в историко-научной литературе данную публикацию обычно оценивают как «политический донос», положивший начало «травли» Вавилова. Однако ее значение преувеличено, так как она была лишь одним из звеньев идущего уже более года «прессинга» Вавилова. В свою очередь, язык и стилистика публикации, содержащиеся в ней обвинения ВИРа в реакционности и вредительстве вполне соответствовали «духу времени».

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

заявлении о контрреволюционной деятельности института и пустой трате денег, Быков предложил ответить на его вызов со всей ответственностью и серьезностью. И серьезность ситуации поняли все присутствовавшие.

В развернувшейся дискуссии против основных положений доклада и обвинений в адрес института выступили Л. Л. Балашов, Е. Н. Синская, Н. Г. Касаткин, Н. Д. Костецкий, В. В. Маркович, М. Г. Попов, К. А. Фляксбергер и др. Все они убедительно показывали бесплодность рекомендаций Коля и напоминали, что интродукция лучших сортов зерновых из США ничего не дала и нужно создавать совершенно новые сорта²⁷. Многие отмечали также легковесность и безграмотность быковского выступления. Последнее его сторонники парировали тем, что быковский доклад был политическим, а не научным. Даже некоторые сторонники Коля, например, М. В. Калашников, протестовали против превращения ВИР в почтовое отделение по пересылки семян. Тем не менее, защищая Коля, противники Вавилова (Калашников, Карташев, Овсянникова, Саппель, Григоров, Прокошев и др.) говорили о том, что в результате травли Коля превратился в больного, запуганного человека и, конечно, преувеличивает недостатки, реакционные действия называет контрреволюцией, но в его словах надо признать правду хотя бы на 5 %, особенно в части кадровой политики. Красочен был Григоров:

Мы имеем, по крайней мере, половину старых ископаемых ученых, которые ни практически, ни политически, ни научной ценности не представляют. А держать мощи и превращать Институт растениеводства в место, где эти мощи сохраняются, мы не станем²⁸.

И далее с юной непосредственностью предлагал:

Надо тов. Вавилова окружить молодыми кадрами, которые не просто пассивно бы относились к Вавилону как к ученому, а критически²⁹.

Все выступавшие отвергли обвинения Коля в контрреволюционной направленности работы ВИРа, а Говоров назвал подобные заявления мерзостью, хотя признавал вину в том, что научный авторитет Вавилова «настолько подавляет нас, что мы в его отсутствие были бесплодны». Он с явной издевкой говорил:

Диалектический метод не так прост. И для того, чтобы овладеть этим методом, первое, что требуется, пролетарское чутье, которого у нас представителей старой школы нет³⁰.

В ответном слове Вавилов³¹, еще не привыкший к новой ситуации «критики невзирая на лица», вместо требуемой «самокритики» объяснял оппонентам трудности управления институтом, а затем обвинил их в малой образованно-

²⁷ Там же. Л. 87–90.

²⁸ Там же. Л. 43.

²⁹ Там же. Л. 44.

³⁰ Там же. Л. 65.

³¹ Там же. Л. 44–56.

сти и призвал прочитать 100 000 книг, чтобы стать хорошими специалистами. Шлыкова он назвал «плохим специалистом», а Коля «плохим работником». Вавилов заявил, что всегда был дарвинистом, и пригрозил отставкой в том случае, если Коля не уберут из института. Однако ему ответили, что Коля ему уволить не дадут, партию шантажировать нельзя и надо работать там, куда тебя назначили, а 100 000 книг читать ни к чему, так как они написаны буржуазными учеными, и после их прочтения аспирант становится орудием врага. Дегтярев прямо заявил: «Вавилов не прав [...] Молодежь атакует верно [...] Революция есть ветер, которая отбрасывает всех тех, кто нам сопротивляется»³².

Видимо, это понимал и сам Вавилов, который посчитал необходимым отмежеваться от А. В. Чайнова и А. Г. Дояренко, назвав их «врагами нашего учреждения» и заявив, «что никто столько палок в колеса не ставил, сколько эти представители в развитие Института растениеводства»³³.

Как уже отмечалось выше, именно в тот день, 9 февраля 1931 г., под председательством И. И. Презента проходило заседание только что созданного Биологического сектора (Биосектор) Секции естествознания ЛОКА, на котором было отмечено, что одновременно идут «трудные бои» в ВАСХНИЛ. Этому заседанию предшествовали радикальные изменения в Комакадемии в Москве. 11 января ее президиум признал крупные «провалы на фронте естествознания» и потребовал «перестройку естественных и математических наук на основе материалистической диалектики»³⁴. Прежних руководителей Ассоциации естествознания, включая генетиков И. И. Агола и С. Г. Левита, обвинили в извращении «проблемы партийности в науке», в отождествлении работ буржуазных генетиков с марксизмом, в капитуляции перед буржуазной наукой, в «антимарксистском отрыве теории от практики». Псевдомарксистскими были названы работы Н. К. Кольцова по евгенике, а труды А. С. Серебровского —

формами приспособления к марксизму-ленинизму в условиях диктатуры пролетариата, по существу, отражающих напор классового врага на идеологию пролетариата³⁵.

Для борьбы с враждебными марксизму концепциями Президиум Комакадемии потребовал ввести методологический и идеологический контроль над институтами Наркомзема, Наркомздрава, Наркомпроса, АН СССР, ВАСХНИЛ и их научными изданиями, организовать просмотр учебной литературы, программ и методов преподавания в учебных заведениях, создать марксистско-ленинские учебники по отдельным естественным наукам, преобразовать марксистские общества в массовые организации ученых и т. п.

В постановлениях ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» от 25 января 1931 г. и «О работе Комакадемии» от 15 марта 1931 г. ставилась задача беспощадной борьбы со всеми «антимарксистскими, а, следовательно,

³² Там же. Л. 72.

³³ Там же. Л. 56.

³⁴ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 413. Л. 2–3.

³⁵ О положении на фронте естествознания // Вестник Комакадемии. 1931. № 1. С. 19.

Ленинградская правда. 15 января 1929 г. (С. 3)

антиленинскими установками» в естественных науках, связанных с социалистическим строительством. Это открывало простор для политических спекуляций и разгрома тех направлений в биологии, которые были обвинены в отрыве от борьбы за урожайность, продуктивность животноводства, увеличение улова рыб и т. д. Комакадемии предписывали участвовать во всех мероприятиях научного характера (экспедициях, конференциях, съездах, обследованиях тематических планов институтов), проверить кадровый состав учреждений и обеспечить «решительное выдвижение молодых сил из числа проявивших себя и выдержанных коммунистов». Все научные учреждения страны представляли на проверку в Биологический институт (БИКА) и ОБМ Комакадемии планы научно-исследовательских работ. Биология была объявлена классовой и партийной наукой, а ее теории стали характеризовать как буржуазные, вредительские, идеалистические, кулацкие, расистские, фашистские и т. п. Нормой стало противопоставление советских исследований мировой науке.

В ленинградской биологии главным выдвиженцем этого этапа «культурной революции» стал Презент, который вместо академического марксиста Я. М. Урановского в начале 1931 г. возглавил организации, созданные для проведения политики партии среди биологов. На упомянутом заседании Биосектора Презент, давая установки аспирантам, более чем наполовину представлявшим ВАСХНИЛ, вещал:

Октябрьская революция в отношении перетряхивания теоретических установок еще только начинается. Нам нужно все взять на свои плечи. Основная задача – самокритика и перетряхивание. Нужно проделать черновую работу по сборке материалов, чтоб представить себе все реакционные течения. Нужно взять на критику всех. Черновой просмотр, сборка материала должна вестись широко и массово во всех учреждениях. Необходимо наметить бригаду, которая должна установить очередность всех течений и лиц, которых мы должны бить ³⁶.

При этом он стремился сохранить за собой руководящую роль в критике биологов во всех учреждениях. Презент подчеркивал:

Всю работу надо вести объединено. Нужно, чтобы во главе всего стояла Комакадемия и чтобы она руководила всей работой. Нужно связаться с теми учреждениями, где работают отдельные специалисты, и установить в каждом, что они из себя представляют в своих теоретических взглядах и практической работе ³⁷.

Презент прямо говорит о том, что они берут на себя роль опричников обкома ВКП(б) в области науки:

Нужно, чтобы у нас была единая линия, согласованная с обкомом, кого и как ударить, и кого поддержать. Основная мерка это политическое лицо ученого ³⁸.

Ссылки на обком партии и необходимость согласовать с ним свои действия стали постоянными во всех решениях ОБМ и биосектора Института естествознания ЛОКА.

К этому времени Презент уже определил ВАСХНИЛ и Вавилова как первоочередные цели для обследования, фактически посвятив этому вопросу рассматриваемое заседание. Аспирант из ВАСХНИЛ В. Соколов докладывал:

У нас в ВАСХНИЛ идут бои за марксистскую методологию. У нас уже 3-е собрание, когда мы критикуем крупных специалистов. Ин[ститу]т аспирантуры дал очень многое по методологии, которой уделяется в подготовке даже большее внимание, чем специальным предметам. Наша академия (доклад о прикладной ботанике Быкова) имеет в своем составе, главным образом, чуждых нам специалистов, засорена лицами, исключенными из других вузов. Есть затирание молодых специалистов. Мы выдвигаем вопрос о критике вавиловской школы ³⁹.

Однако сразу выяснилось, что далеко не все аспиранты жаждут прорабатывать своих учителей. И. Д. Мина признал: «Для нас вопрос об информации о работе поставлен неожиданно, и мы не очень хорошо подготовлены» ⁴⁰.

³⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 56.

⁴⁰ Там же.

Анатолий Владимирович Альбенский
([http://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:
A._B._Альбенский.jpg](http://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:A._B._Альбенский.jpg))

Об отсутствии профессиональных знаний говорил С. Н. Резник:

У нас хорошо поставлен диамат, но у нас очень недостаточна подготовка по методологии своих специальностей [...] чтобы увязать марксистскую методологию с экспериментальной работой⁴¹.

По его словам, из 200 аспирантов ВАСХНИЛ 73 человека – коммунисты и 42 – комсомольцы, но и среди них нет «заинтересованности в работе бригад ЛОКА», в разоблачении «реакционных теорий: Левитский, Лискун, Устьянцев, Берг, Любищев»⁴². Аспирантов ВАСХНИЛ поддержала секретарь Биологической ассоциации АН СССР, аспирантка Е. М. Пружанская, отметив, что коммунисты есть только на подготовительном отделении аспирантуры и их знания столь слабы, что взяться за критику специалистов они не могут. С ней согласилась жена Презента

Б. Г. Поташникова, признав: «За проработку Вернадского, Павлова и других лиц мы еще взяться не можем»⁴³.

Даже Альбенский вынужден был признать:

В ВАСХНИЛ очень много наделано ошибок, и так ставить доклады (имеются в виду, очевидно, доклады Г. И. Быкова. – Э. К., С. Ш.) нельзя. Нужно работы по методологическому анализу делать очень ответственно⁴⁴.

Он согласился с тезисом о ведущей роли ЛОКА в подготовке докладов с критикой Вавилова и подчеркнул:

Необходимо вначале проверять их в Комакадемии и согласовать в соответствующих партийных органах. Нужно действительно глубоко поставить проработку теоретических вопросов и взяться за критику методологии Берга и др.⁴⁵

Своим опытом работы поделилась жена Презента Поташникова, которая также считала, что

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 57.

⁴³ Там же. Л. 58.

⁴⁴ Там же. Л. 57.

⁴⁵ Там же.

...За ВАСХНИЛ надо серьезно взяться, поскольку она играет крупную роль в нашем строительстве. Аспиранты правильно начали критику отдельных сотрудников. Взгляды Вавилова определенно мешают приблизить Ин[ститу]т растениеводства к соц[иалистическому] строительству. У них очень трудно вести борьбу, т[ак] к[ак] у них очень хорошо сколочены специалисты. У них очень много крупных спецов, без которых еще нельзя обойтись. *Вопрос о Вавилове нужно бы было согласовать с обкомом* (выделено нами. – Э. К., С. Ш.)⁴⁶.

Обком не дал «добро»

В данном контексте особый интерес представляет позиция Ленинградского обкома партии, так как именно он мог сказать решающее слово во всех этих дискуссиях. Вопрос «О работе ленинградских институтов Академии сельскохозяйств им. Ленина» дважды рассматривался его секретариатом во главе с Кировым. В результате первого обсуждения с участием заместителя директора ВИРа Н. В. Ковалева была подготовлена резолюция, окончательное редактирование которой поручили секретарю обкома и председателю президиума ЛОКА Б. П. Позерну и утвердили ее 9 июля 1931 г.⁴⁷ В целом она оказалась положительной для Вавилова, так как в ней отмечалось наличие

некоторого перелома в направлении практического участия в разрешении проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства (сортоиспытания семян, поднятие урожайности, проблем животноводства, кормовых добавок, технических культур)⁴⁸.

Вместе с тем указывалось на отсутствие «большевистской настойчивости в выкорчевывании» правого оппортунизма, «слабую борьбу с вредителями», «засорение аппарата чуждыми элементами», «слабую связь с социалистическим производством» и т. д. Вновь было указано на слабую работу по привлечению «ценных специалистов к разрешению задач социалистического строительства», включению их в общественные организации и даже в партию.

Эти изменения в кадровой политике, скорее всего, были связаны с речью Сталина 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников⁴⁹. В ней предлагалось прекратить травлю старой интеллигенции («спецеество») и беречь ее. Обком отмечал ошибки в научно-организационной работе, слабую вовлеченность аспирантов в планы работ отделов, малое внимание философско-методологической стороне их образования, отсутствие тесной связи многих исследований с практикой. Для исправления положения ряду райкомов Ленинграда, включая Октябрьский, в которой входила парторганизация ВИРа, было предложено

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Связка 28. Оп. 1. Д. 323. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 13.

⁴⁹ *Сталин И. В.* Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // *Сталин И. В.* Сочинения. В 13 т. 1951. Т. 13. С. 51–80.

установить контроль над деятельностью институтов ВАСХНИЛ и оказывать им поддержку. Это была, конечно, жесткая критика, но критика в духе того времени, когда в основном за обвинениями во вредительстве, реакционности и в срыве партийных решений следовали кадровые решения, а затем и репрессированные меры. Ни тех, ни других на этот раз не было.

Ковалев, докладывая о решении секретариата обкома 17 июля 1931 г. на открытом партийном собрании и о принятых дирекцией мерах, подчеркнул:

Указания на недостатки ни в коем случае не смазывают той большой работы, которая проведена институтом, и заслуг института и его работников. За период существования с 1924 г. институт, конечно, проделал большую весьма ценную работу не только по собиранию мировых растительных ресурсов, но и их рационализации, большую работу в части селекции, технических испытаниях, в физиологических и других отраслях ⁵⁰.

Он представил на рассмотрение единый план работы ВАСХНИЛ и положение о ВИРе, очертил основные направления его деятельности, в которые были включены растительные ресурсы, генетика, селекция, сортоведение, семеноводство, агротехника. Районирование сортов было охарактеризовано как важнейшая задача. Дискуссия была довольно сдержанна. Критики Вавилова понимали, что не нашли желанной поддержки в обкоме и с Вавиловым и его командой придется сосуществовать. Только неугомонный Шлыков продолжал твердить:

Мы давно ощущали разные недостатки, но что сделано к изжитию этих недостатков? Пока ничего не сделано. Были хорошие перспективы. Но перспективы так и остались. Тов. Ковалев не указал путей, по которым должны протекать наши связи с хозяйственными и научными организациями ⁵¹.

В тот же день К. В. Бобкову было поручено «составить список ученых специалистов и др. научных работников для их изучения и выявления как резерва по вступлению в партию» ⁵², что положило конец огульному их охаиванию.

⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

⁵¹ Там же. Л. 2.

⁵² ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 50. В связи с этим симптоматичен отчетный доклад секретаря Октябрьского райкома М. Я. Колчинского о выполнении решения секретариата обкома, с которым он выступил на групповом собрании коллективов ВКП(б) ленинградских институтов ВАСХНИЛ 29 сентября 1931 г. Он заявил о поддержке главных направлений деятельности ВИРа и об изменениях в партийной кадровой политике, пошутил, что даже «бывшие вредители» неплохо работают для социалистического строительства». Одна из задач партийной организации, по его словам, это «поворот научно-исследовательской работы к нашему хозяйству». Все благополучно с социальным составом аспирантов: «80 % рабочих с производства, 60 % партийно-комсомольский состав. Качество учебы оставляет желать много лучшего». Не всегда положительна роль обществ ЛОКА. И вывод: «Научные учреждения полностью всеми участками не овладели». Слыша упреки в свой адрес, записные критики вели себя сдержанно, задавали вопросы по частным, бытовым моментам. В заключительном слове Колчинский сообщил, что в райкоме создан сектор научно-исследовательской работы для повседневного контроля над работой в научных учреждениях и эта инициатива одобрена комиссией Политбюро, обследовавшей райком (ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 11–14).

Ленинградская правда. 7 декабря 1930 г. (С. 3).

Таким образом, к осени 1931 г. ситуация в ВИР стабилизировалась. Часть критиков была уволена, другие немного притихли, поняв, что Вавилов сохранил поддержку в верхах и продолжение «кавалерийских атак», как любил говорить Альбенский, может обернуться плачевно для их инициаторов, на которых власти все чаще также возлагали вину за то, что не сумели «организовать», «мобилизовать», «повернуть лицом», «связать с практикой», «внедрить», «не овладели ситуацией» и т. п. На некоторое время стихла демагогия, инициаторы и жалобщики не получали поддержки со стороны своих недавних союзников. Партбюро чаще всего становилось на сторону администрации, как это было в случае с Быковым, Калашниковым и М. Г. Тимофеевой⁵³, вскоре уволенными из ВИРа. К тому же Вавилов удовлетворил амбиции главных зачинщиков конфликта, назначив Альбенского и Шлыкова заведующими отделами, а некоторых их союзников (П. К. Артемова, Лусса и др.) руководителями региональных учреждений ВИР, старшими научными сотрудниками, что позволило на время притушить конфликт.

Наряду с этим Вавилов с большой энергией взялся за привлечение общественности на свою сторону с помощью газет «Известия» (27 октября и 8 декабря 1931 г.), «Социалистическое земледелие» (29 и 30 октября 1931 г.), «Ленинградская правда» (25 ноября 1931 г.). Он пишет о роли ВИРа в решении проблемы засухоустойчивости растений, в мобилизации мирового генофонда на выведение новых сортов зерновых культур, в продвижении земле-

⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 61–63, 72 об.–73.

деля на Север. В этих статьях Вавилов, не вступая в полемику, фактически опровергает все обвинения в свой адрес, показывает их необоснованность и ангажированность. Проблеме северного земледелия посвящен и его доклад на Ленинградской чрезвычайной сессии АН СССР от 25–30 ноября 1931 г. Все это показывает, что в целом его деятельность была поддержана партийными и советскими органами, а также академической общественностью.

В этих условиях Альбенский демонстрирует политику «помощи Вавилову в преодолении ошибок». В этом отношении характерно его письмо от 22 сентября 1931 г., в котором сообщалось, что Вавилов, как показала его работа «Линнеевский вид как система», стал пересматривать свои прежние взгляды, признавать роль среды в видообразовании, увеличил число центров происхождения растений якобы до 28. По мнению автора, эти изменения обусловлены рядом факторов:

а) втягиванием его в хозяйственные работы, что надо еще более углубить, особенно по президиуму академии; б) критикой его работ; в) общей критикой (после смены философского руководства) реакционных теорий в СССР; г) правильным политруководством⁵⁴.

В эволюции взглядов Вавилова, по мнению Альбенского, существенную роль сыграли также экспериментальные работы Г. Д. Карпеченко по отдаленной гибридизации и Лысенко по яровизации. Как писал Альбенский,

наиболее важный удар по методам ВИР со стороны Лысенко, который методом яровизации доказал, что скороспелость и прочие физиологические и даже морфологические признаки не постоянны и никакого клубка из себя не представляют, из среднеспелых и поздних пшениц выделил скороспелые, или превратил в скороспелые сорта⁵⁵.

Это первое упоминание фамилии Лысенко в выступлениях и заявлениях ленинградских активистов «культурной революции». В заключение записки Альбенский все же напал на Е. В. Вульфа, М. А. Юзанову, Г. А. Рубцову, Е. Н. Синскую, М. Г. Пьову, объявляя их исследования по-прежнему бесплодными и как бы противопоставляя их Вавилову, двигавшегося по пути пересмотра своих взглядов и повернувшегося лицом к практике.

* * *

Тем не менее в сложившейся обстановке Вавилов не мог чувствовать себя победителем. Хотя ему удалось отбить «атаки» своих противников, его позиции как президента ВАСХНИЛ и директора ВИРа были поколеблены, так как выяснилась его полная зависимость от партийных органов и парторганизации собственного института. На руководящие должности в ВИРе Вавилову пришлось назначить малоподготовленные кадры, многие из которых так и не приобрели навыков серьезной научной работы. Неизбежно и в глазах вышестоящих пар-

⁵⁴ Там же. Л. 74.

⁵⁵ Там же.

тийных и государственных органов постепенно складывался образ ученого немного не от мира сего, неспособного навести порядок в собственном доме. Из образцового советского ученого он превратился в участника бесконечных разбирательств. Сотрудничество с властями в какой-то степени влияло на язык и стиль его выступлений, что вряд ли улучшало имидж Вавилова в их глазах, стирая различия между ним и его критиками. Последние, потерпев неудачу на «биологическом фронте культурной революции» и в ленинградских партийных органах, сосредоточились на «атаках» с помощью ЦКК РКИ, НК РККИ и ОГПУ. Уже в сентябре 1932 г., во время одной из командировок Вавилова, была создана очередная бригада ЦКК РКИ для проверки всей научно-исследовательской деятельности ВИРа⁵⁶. Были арестованы и сосланы более 20 ведущих научных сотрудников ВИРа, поддерживавших Вавилова (Н. П. Авдулов, Н. П. Голубев, П. П. Зворыкин, Н. Д. Костецкий, Н. Н. Кулешов, Г. А. Левитский, А. Д. Лебедев, Н. А. Максимов, В. В. Маркович, В. Е. Писарев, М. Г. Попов, Я. И. Проханов, С. Ю. Шиманович, Н. В. Чайковский, К. М. Чинго-Чингас и др.⁵⁷). Научные дискуссии завершились, начались репрессии. Вскоре от ссылок перешли к расстрелам. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. гибли уже не только сторонники (А. И. Аболин, Л. И. Говоров, Г. Д. Карпеченко, Н. Н. Кулешов, Г. А. Левитский, В. И. Мацкевич, К. А. Фляксбергер, К. М. Чинго-Чингас), но и некоторые оппоненты Вавилова тех лет (П. К. Артемов, Д. Д. Арцыбашев, А. С. Бондаренко, Н. С. Переверзнев и др.). Они были расстреляны или погибли в лагерях и тюрьмах. В декабре 1934 г. был убит Киров, вскоре были расстреляны и другие секретари Ленинградского «областкама» ВКП(б) М. С. Чудов и Б. Н. Пюзерн, а также М. Я. Колчинский, притормозившие «атаки» на Вавилова в начале 1930-х гг. Возможно поэтому материалы парторганизации ВИРа за 1935–1941 гг., как сказано в описи, «уничтожены путем самосожжения». Когда, кто и по какой причине это сделал, там не сказано. Вероятно, кто-то не хотел, чтобы остались следы о «руководящей и направляющей роли местной парторганизации» в уничтожении Вавилова и его школы. Ясно только одно. В 1930–1932 гг. Вавилу лишь на время удалось отложить разгром свой школы, на которую власть и карательные органы в конечном счете возложили часть своих огромных просчетов в сельском хозяйстве, в том числе и неспособность справиться с голодом в 1932–1933 гг.⁵⁸

Кроме того, введенные в научный оборот материалы позволяют по-новому интерпретировать противостояние Вавилова и Лысенко. Рассматриваемые документы из партийных фондов Санкт-Петербурга свидетельствуют против культивируемого в настоящее время мифа о том, что конфликт Вавилова и «народного академика» – это конкуренция двух научных школ, лидеры кото-

⁵⁶ Есаков. Николай Иванович Вавилов... С. 173–186.

⁵⁷ См. об этом подробнее: Соратники Николая Ивановича Вавилова / Отв. ред. В. А. Драгавцев. СПб., 1994; Гончаров Н. П. К 120-летию со дня рождения Н. И. Вавилова // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. С. 479–525; Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э. И. Колчинский; сост. Э. И. Колчинский, А. А. Федотова. СПб., 2011.

⁵⁸ Таузер М. Голод, голодомор, геноцид? Голод, сельское хозяйство и советская сельскохозяйственная политика. Киев, 2008.

Моисей Яковлевич Колчинский
(Архив СПбФ ИИЕТ РАН)

рых добивались от властей финансовых, материальных и людских ресурсов. Из них видно, что уже в первых «атаках» на Вавилова в годы «культурной революции» научная составляющая дискуссий была очень незначительна и никогда не могла бы в нормальных условиях иметь столь трагические последствия для их участников. С самого начала критика Вавилова инспирировалась и контролировалась частью властных структур, прежде всего через их «пятую колонну» в ВИПБиНК/ВИР, а его противники в основном руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями.

Таким образом, со многими элементами того, что сейчас принято называть «лысенковщиной», «лысенкоизмом» или «облысением российской биологии», Вавилов столкнулся еще до появления самого Лысенко в качестве хоть сколь-нибудь значимой фигуры в научном сообществе и быстро был приучен идти на компромисс ради спасения своего детища – ВИРа. Поэтому

вряд ли стоит считать Лысенко неким «злым гением», погубившим Вавилова. Он лишь сыграл свою позорную роль в сценарии, написанным не им. Правда, сделал он это явно с удовольствием и навсегда вошел в историю мировой науки как ее антипод. Участь Вавилова была предрешена самой логикой развития в конце 1920-х – начале 1930-х гг. как отечественной биологии, так и всего советского общества в целом. Создаваемая система уничтожения всех проявляющих чувство собственного достоинства и самостоятельность не могла обойти «зубра» российской биологии Вавилова. Там, где власть решает, какие теории правильные, а какие нет и, соответственно, что следует поддерживать, а что нет или, как говорил Презент, 9 февраля 1931 г. на заседании Общества биологов-марксистов, «кого, когда и в какой последовательности бить», победу всегда одерживает псевдонаука⁵⁹. Вот с этим Вавилов, при всей своей склонности к компромиссам, смириться не смог.

Далее мы впервые публикуем ряд документов из партийных архивов Ленинграда, иллюстрирующих важные моменты атак на Вавилова в 1931 г. и его реакцию на них. Подробный анализ всего массива архивной информации в свете социально-культурного, политико-идеологического и когнитивного контекстов тех лет дан в статье Э. И. Колчинского «“Культурная революция” в СССР в 1929–1932 и первые атаки на школу Н. И. Вавилова (по материалам

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

санкт-петербургских архивов)» (Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 502–539).

Все редакторские дополнения в сокращенных словах и пропущенные слова печатаются в прямых скобках [], изъятые куски повторов в фигурных скобках {}. Документы выявлены и подготовлены к печати Э. И. Колчинским и С. В. Шалимовым, комментарии составлены Э. И. Колчинским.

Приложения

Документ № 1

Выписка из протокола № 8 заседания Бюро кол[лекти]ва ВКП(б) при ГИОА и ВИПБиНК от 2 января 1929 года

Присутствовали: члены бюро коллектива: Гибовский ⁶⁰, Касаткин ⁶¹, Чумак ⁶², Норкина ⁶³, Астафьев ⁶⁴, Мартынов ⁶⁵.

СЛУШАЛИ: О предстоящем Всесоюзном съезде по генетике растений и животных (информация тов. Гибовского).

ПОСТАНОВИЛИ: а) Принять информацию к сведению. Донести до сведения вышестоящих парторганизаций, что а) партия выбрана в организационную комиссию съезда без участия бюро; б) поручить Гибовскому и Мартынову разработать вопросы, связанные с проведением съезда, в) привлечь партийные силы кол[лекти]ва к работе съезда и обеспечить партийцами отделения секции, г) провести учет предполагаемых докладчиков и привлечь марксистские силы к докладам на съезде.

Выписка верна

Техсекретарь (Имянитова)

ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Документ № 2

Резолюция пленума коллектива ВКП(б) институтов с/х академии им. Ленина [14 декабря 1930 г.]

Обсудив решение секретариата РК [райкома] Октябрьского района и статью в «Ленинградской правде» от 7/XII «Быстрее ликвидировать пережитки чаяновщины», пленум коллектива считает:

⁶⁰ Ибовский Владимир Александрович – ответственный секретарь Бюро коллектива ВКП(б) ГИОА и ВИПБиНК.

⁶¹ Касаткин Николай Георгиевич (1901–?) – ассистент отдела полевых культур ВИПБиНК, впоследствии заместитель заведующего отделом растительных ресурсов ВИРа.

⁶² Чумак Петр Иванович – селекционер, помощник заведующего отделом сортоиспытаний ВИПБиНК.

⁶³ Норкина – вспомогательный персонал.

⁶⁴ Астафьев Дмитрий Никитич – помощник заведующего отделом полевых культур ВИПБиНК/ВИР.

⁶⁵ Мартынов Михаил Денисович – помощник директора по административно-финансовой части ВИПБиНК.

1) Что секретариат РК своевременно и верно поставил вопрос о ненормальностях в жизни парторганизации и статья в «Лен[инградской] правде» правильно отражает состояние общественной жизни институтов.

2) Институты с/х академии, призванные по своему назначению подвести научную базу под социалистическую реконструкцию и стать лабораториями по социалистической реконструкции в духе решений XVI-го партсъезда и ЦК партии, с этой своей задачей не справились и не перестроились для ее выполнения.

3) Парторганизация своевременно не сумела возглавить руководство в жизни институтов как в организационном, так и в научно-теоретическом отношении и не мобилизовала внимание на борьбу с вредителями с/х, с чаяновщиной и кондратьевщиной и не возглавила чистки институтов от реакционных и классово чуждых специалистов. Естественно, что наиболее пораженными вредительством оказались институты с наислаб[ей]шей партпрослойкой (крупное хозяйство, животноводство, рыбное хозяйство), значительно защиты растений). В институтах с относительно благополучной партнасыщенностью, где скрытое протаскивание вредных идей затруднительно, враждебная сила использует обходные пути, сводящиеся, в частности, в организационных вопросах к внесению поправок и поправочек, сущность коих сводит на нет основную идею (опыт Института растениеводства и заш[иты] растений с переходом к новым принципам организации). В вопросах научно-теоретических враждебные группы специалистов в последнее время выбросили из употребления явно реакционное оружие в виде лозунгов: «Наука для науки, преимущество индивидуального труда перед коллективным и сохи перед трактором» и стараются завуалировать вредительскую сущность революционной фразеологией, склоняя в разных падежах: «колхоз, совхоз» и т. д.

4) Пленум коллектива со всей категоричностью присоединяется целиком и полностью к постановлению районного комитета по сообщению бригады ЦК, что парторганизация ленинградских институтов «не сумела возглавить работу по перестройке всей академии в целом», допустив положение изолированности от парторганизации ленинградской группы самого президиума академии и его фракции. Этот разрыв привел к тому, что президиум академии в практической работе подпадал часто под влияние враждующих между собой групп чуждых нам специалистов и как одно из следствий этого – хронический организационный кризис в жизни ленинградских институтов, естественно, не могущий не отразиться вредно на производственной жизни институтов. Последнее положение, в свою очередь, послужило ширмой для вредительской работы врагов и для оправдания своего оппортунизма со стороны некоторых членов партии, со ссылкой на организационные неполадки как на «объективные причины».

5) Пленум безоговорочно признает недостатки в жизни парторганизации, отмеченные в постановлении секретариата РК, касающиеся слабой подготовки пролетарских кадров, недостаточной работы по расслоению специалистов и по выкорчевыванию чаяновщины и кондратьевщины – антисоветских элементов, слабость борьбы с проявлением правого оппортунизма на практике со стороны как отдельных членов партии, так и бюро старого состава, приводивших их к правооппортунистическим ошибкам на практике.

Вместе с тем пленум заявляет, что парторганизация ленинградской группы институтов в основном здорова и невзирая на трудности будет стойко бороться за завоевание рабочим классом научных высот, за овладение рабочим классом с/х наукой, в целях воплощения в жизнь решений XVI-го съезда партии.

В изжитие недостатков пленум предлагает:

1) Проработать еще раз подробно в ячейках постановление РК и выводы бригады ЦК и статью в «Лен[инградской] правде» от 7.XII в целях просмотра еще раз жизни своего института и своей работы в разрезе указанных решений. Бюро коллектива ускорить получение заключения от бригады ЦК.

2) Бюро коллектива в кратчайший срок пересмотреть все свои планы на зимний период и принять немедленно меры к исполнению постановления РК.

3) Бюро и ячейки в кратчайший срок пересмотреть все случаи проявления правого уклона на практике как ячейками, так и отдельными т.т., полностью использовать решения XVI-го съезда о борьбе с правоуклонами, оппортунистами и примиренчеством с ним.

4) Ввиду возникших в последние месяцы на почве смены руководства некоторых элементов групповщины со стороны отдельных т.т., проявлений право-оппортунистической ошибки на практике и отказывающихся их признать, бюро должно решительно изжить ростки этих нездоровых отношений, ведя сплочение партийных рядов на практической работе по выполнению решений XVI-го съезда и плана пятилетки.

5) Проверить работу сети партпросвещения, количество и качество учебы партийцев с упором на разоблачение чаяновщины и кондратьевщины как реакционной теории, наиболее опасной в наших условиях, и бороться с правым уклоном и контр[революционными] рецидивами троцкизма и примиренчеством.

6) В борьбе против вредного влияния чаяновцев, кондратьевцев {...} и [с целью] разоблачения их буржуазной сущности, ячейкам институтов, профорганизации, партадминистраторам организовать проверку основных трудов институтов с/х академии, изданных в свет, а равно и трудов, подготовляющихся к печати и находящихся в процессе издательства. В дальнейшем обеспечить общественный контроль над всей выходящей продукцией институтов, а равно укрепить состав редколлегий издательства партийным составом, главным образом из аспирантуры.

7) Помимо проверки продукции институтов в течении декабря – марта бюро и МК [месткомам] организовать ряд докладов по разоблачению чаяновщины, кондратьевщины среди широких кругов специалистов.

8) Бюро в ближайшее время проверить установочные планы институтов на 1931 год с одновременной проверкой темпов перестройки институтов для выполнения задач реконструкции сельского хозяйства. Развернуть беспощадную борьбу с отжившими формами организаций научных отделов как цеховых, отраслевых и т. п. окостенелых организаций, с феодальными взаимоотношениями сотрудников, покоящихся на рабовом преклонении перед авторитетами и фетишизме ученых имен. Обеспечить построение планов и отделов институтов, покоящееся на функциональном принципе комплексирования сил и средств вокруг определенной проблемы народного хозяйства. Важность проблемы должна определять расстановку сил и средств и ни в коем случае не имя и влияние специалиста.

Добиться от фракции президиума академии ускорить завершение реорганизации институтов.

9) Ячейкам и бюро коллектива пересмотреть еще раз расстановку партсил в институтах и двинуть на ответственную работу проверенных партийцев.

10) Для обеспечения рабочего влияния на академию, институтам в порядке шефства связаться с заводами, имеющими родство в производстве (Институт защиты растений – с заводом «Вулкан», микробиологии – с химзаводами, механизации – с «Путиловцем» и т. д.).

11) В целях усиления расслоения среди специалистов и очищения от враждебных элементов ячейкам, профорганизациям полностью провести мероприятия по самоочистке, предложенные президиумом академии в письме о вредительстве ([газета] Соц[иалистическое]. земл[еделе]ие] от 4.XII), соединив эту работу с проверкой трудов институтов.

ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 41–45.

Документ № 3

[Выступление Н. И. Вавилова 8–10 февраля 1931 г.]

Товарищи, очень много вопросов, и ответить сразу очень трудно и нам придется еще не раз собираться и большими, и малыми группами по затронутому вопросу.

Я позволю себе сказать со всей откровенностью все, что я думаю и попытаюсь со всей искренностью и откровенностью ответить вам так, как я думаю, вкратце по тому вопросу, который вы затронули.

Управлять большим кораблем очень трудно, а в это время, в трудное время бурь, в особенности. И у того, кому приходится быть у руля, часто возникают сомнения в его способностях, возникают они и у меня и в особенности в это последнее время, когда проявляются звуки недоверия в особенности начинаешь задумываться в пригодности к ведению этого корабля как нашего института, так и академии в целом. Учитывая при том, что на группу лиц, которая имеет обязанности руководить этим кораблем, возлагается бесчисленное множество научных неотложных задач одна другой важнее – за какие-нибудь 5 дней требуется дать авторитетный ответ о том, можно или невозможно увеличить площадь под определенные культуры на востоке, относительно рисоведения на востоке и все это ложится ответственностью на небольшую группу лиц. Поэтому-то я и понимаю упрек ваш, но и вы поймите мое откровенное заявление вам о своей пригодности.

Перейду к Институту растениеводства. Дефектов в нашем учреждении очень много. Наш институт вырос очень быстро. В 5–6 лет сколочен этот огромный коллектив. Я представляю себе очень много, большую часть этих дефектов, и я понимаю свою роль критика, и вы знаете по опыту, что эта критика была в моих формах, в тактических формах. По большей части приходилось критиковать, но больше всего пришлось учиться. Для того, чтобы быть критиком, надо, прежде всего, понимать идею и существо критикуемого вопроса. Критиковать очень трудно и специалисту особенно трудно. Это, товарищи, нужно очень четко учесть. Выбрать очень легко, но действительный выход, действительную критику навести очень

трудно. Поднять тот или иной отдел на должную высоту очень трудно. Дефектов действительно очень много. У нас есть дефекты в подборе персонала. Действительно, мы держим подчас совершенно непригодный персонал и заведующий отделом интродукции относится к числу таковых. Вы можете прочесть в тех протоколах, которые имеются, какого я о нем был мнения и только, может быть, по отсутствию генов злости у директора института это управление продолжается так неимоверно долго. Это мое преступление, одно из вавиловских преступлений, то, что Коль ⁶⁶ находится 7 лет в институте. У нас, может быть, и по другим разделам есть дефекты в этом же отношении. Мы их тоже знаем и, товарищи, вы знаете, и мои помощники знают и помогают в своих выступлениях в роли критиков. Но заменить специалиста не так легко. Вы все, вероятно, читали статью товарища Сталина, в которой он подчеркивает одно основное положение: подписывать бумаги — это не значит быть сведущим человеком, это только значит, что большевики должны стать специалистами. К этому вопросу я позволю себе вернуться. За краткостью времени позволю себе начать с существа.

Товарищ Шлыков ⁶⁷, он очень верно выделил ряд наиболее существенных указаний. Действительно, здесь, конечно, руководство виновато, если идея, основное положение, которые кладутся в основу работы института, неверны. Отсюда и множество последствий. Я очень охотно готов сколько угодно времени посвятить разбору своих методов, своих приемов. Я больше скажу: самому приходится все время учиться, все время самого себя исправлять. И после того, как «Центры происхождения» были опубликованы в 1926 году весной, вместо того, чтобы почить на лаврах, мы начали нашу экспедицию. Эта экспедиция — не прогулка ради удовольствия. Очень немногие, те, кому приходилось участвовать в экспедиции и [пропуск] вот сидит товарищ Попов ⁶⁸, с которым мы ездили в [19]29 году в Китай, он помнит, как я его уговаривал идти через пустыню вдвоем. Я понимал его колебания, которые действительно нужно было преодолеть. Представьте себе на минуту реально все трудности перехода по пустыне в июльское пекло, чтобы дойти до тех немногих оазисов, где удалось найти самые ранние в мире хлопчатники. Мы проверили это на фактах. Вся сила наших соображений в том, что они основаны на миллионах фактов. Дарвин в свое время гордился тем, что он брал миллионы фактов. Я должен сказать, что я, может быть, слишком много изучал Дарвина. Сидя в библиотеке в Кембридже и разбирая довольно неразборчивый автограф, я могу только сказать, что я слишком хорошо знаю Дарвина и я готов, так сказать, в любое время толковать о наших отношениях и о нашем понимании Дарвина и дарвинизма.

Коротко скажу только, что мы считаем свою скромную работу продолжением работы Дарвина, как развертывание ее в отношении культурных объектов. И я думаю, что если мы разберемся, трудно найти по существу

⁶⁶ Коль Александр Карлович (1877–?) — агроном, заведующий отделом интродукции растений ВИПБиНК/ВИРа в 1924–1931 гг., по некоторым сведениям, был арестован в 1938 г.

⁶⁷ Шлыков Григорий Николаевич (1903–1977) — агроном-полевод, аспирант, заведующий отделом новых культур интродукции ВИРа с 1931 г., по некоторым сведениям, арестовывался в 1940 г.

⁶⁸ Попов Михаил Григорьевич (1893–1955) — ботаник, заведующий отделом плодоводства ВИПБиНК/ВИРа в 1927–1933 гг., был арестован в 1933 г. и сослан в Казахстан.

какие-либо основания для обвинения в отклонении от кардинального пути, от кардинальных линий дарвинизма. Я их не знаю. Может быть, вы их знаете, но я их не знаю. Основную задачу мы поставили: осветить в кратчайшее время все основные материалы по важнейшим культурам, которые интересны для советской страны. Мы были дальновидны в этом отношении. Мы торопились с этим и весною оправдали нашу торопливость. Попробуйте теперь проникнуть в Сирию, Марокко или Абиссинию или в Афганистан, не проникнете. Торопиться надо. Фронт, мировой фронт усиливается и обостряется. А для селекции нужен исходный материал. Но для того, чтобы его найти, нужно, товарищи, торопиться, очень торопиться и мы торопились и торопимся. Если откроются границы в Индию, мы войдем туда, вероятно, первыми. Вот в основном работа Института растениеводства. У него имеется определенный стержень. Институт растениеводства не на глиняных ногах, он имеет железный стержень. Он определяется, прежде всего, углубленной работой по селекции; для проведения ее в жизнь, в практическую жизнь нужна работа с исходным материалом, с сортовым материалом, который находится по многим культурам, к сожалению, не в пределах нашей страны. Отдел растительных ресурсов должен явиться фундаментальным отделом нашего института. Эту работу мы вели и должны ее кончить с честью. Поскольку Союз заинтересован в огромном количестве культур, понятно, что этот отдел должен быть очень большим – растениеводство слишком обширный отдел. И животноводство имеет очень большое число групп. Мы не мертвое учреждение, я уже 100 раз об этом говорил. Мы, прежде всего, советский банк – хранилище, действительная основа для селекции и материальная база, которую мы обязаны поддерживать в надлежащем виде. И эту работу мы обязаны передать селекционным учреждениям. Мы работали, товарищи, для того, чтобы укрепить работу по изучению сортов [пропуск]. Мы развивали наши лаборатории и развивали мы их очень быстро. Мы имеем крупнейшую в мире лабораторию, в которой имеется около 20 работников. Я бы удивился тому, что дирекция отделу физиологии ставила препятствия. Мы привлекли все методы на помощь. И тот методологический уклон, который вы указываете, я его не приветствую.

Перейду, поскольку собрание собралось для того, чтобы обсудить правильность тех положений, которые выдвинул товарищ Коль. Так я позволю себе поставить этот вопрос.

Товарищ Шлыков, я бы особенно охотно ответил на ваш вопрос, в котором вы хотели разрешить сомнения наши и которые вы здесь высказывали. Но только я вам скажу, что вы плохой специалист, что вы мало знаете, что вам некогда почитать. Я понимаю вас и не очень виною.

Возьмите хлопчатник. Исследования его приходится настолько углублять, что берешь некоторые группы из [четверт]ичного и третичного периодов и меловую даже эпоху. Хлопчатник разорван в группе между Старым и Новым светом. Таким образом, можно и установить, что процесс образования и изменения хлопчатника очень далек, относится он вероятнее всего к меловой эпохе. Мы устанавливаем факт, который нам нужен, чтобы охватить и осветить фактический материал. Об этом я мог бы вам без конца говорить.

Теперь относительно замечания т. Быкова⁶⁹ о том, что ученый секретарь посылал списки о подборе материалов. Да ведь это обязанность директора. Ведь необходимо же синтезировать материал.

В своей статье тов. Коль пытается нас обвинить в том, в чем сам виноват.

Я помню одну из статей Коля, которую он дал мне на редакцию, в которой он расточал мне дифирамбы. И мне было тогда неловко подписывать эту статью. Но времена изменились. Почитайте товарища Коля, и вы там увидите величайшую оценку Вавилова. Но я хулу и похвалу приемлю равнодушно (волнуется). Нас обвиняют в том, что мы организуем экспедиции, а не выписываем сорта из Америки. Но директор ваш, каждый из вас может это подтвердить, постоянно говорит, мы обязаны знать, что делается по всему миру и мы привлекали селекционные сорта и под нашим руководством Союз выписывал на миллионы золотых рублей селекционные сорта, если мы были уверены в целесообразности. А наши отделы, что они собой представляют, как не организованное сортоиспытание иностранных и советских сортов. Это, понятно, редакции «Экономической жизни», которая нас обвиняла, не могло быть известно. Но работнику учреждения, в стенах которого эта работа производится, не знать это действительно невозможно. Вы были правы, бросив мне упрек в недосмотре, как мы допустили Коля к работе. Это преступление дирекции и мое, в частности. В «Центрах происхождения» имеется ценнейший материал; почти по каждой группе растений мы имеем крупной ценности материал. Без конца можно было бы привести этих примеров (так в тексте. – Э. К., С. Ш.). Но это заведующему отделом интродукции неизвестно. Было бы величайшим достижением в работе Института растениеводства, если бы общественная и партийная организация на этом заседании сказали, что Колю не место в институте. Это действительно был бы героический день.

Если можно обвинять Институт растениеводства, то только в широком размахе работы, в ее углублении. За короткое время благодаря широким возможностям нашему коллективу удалось собрать материал всего земного шара, и в то же время, собирая этот материал, они сумели его провести через Физиологическую и Хлебопекарную лаборатории. Чинго-Чингас⁷⁰ составил один стройный план, который представляет одну стройную систему всей нашей огромной сети Союза. Этой работой мы можем по праву гордиться. Может быть, трудности наши заключаются в том, что мы поступили в развертывании нашего института по-большевистски. Мы предвидели трудности, трудности получения материала, и предвидя эти очень большие трудности в получении материала в дальнейшем, нам нужно очень быстро развертывать нашу работу. И если с тараканьей точки зрения эти широкие задачи пугают, то в организационной работе действительной реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах тараканья точка зрения должна быть поставлена на соответствующее место.

⁶⁹ Г. И. Быков – директор Ленинградского института аспирантуры ВАСХНИЛ.

⁷⁰ Чинго-Чингас Константин Матвеевич (1884–1937) – заведующий Мукомольно-хлебопекарной лабораторией ВИПБиНК/ВИРа в 1932–1933 гг., арестован в 1933 г., приговорен к ссылке в Сибирь, арестован повторно и расстрелян в 1937 г.

Теперь я перейду вкратце к важнейшим затронутым товарищем Быковым и другими вопросам. Несомненно, что-то неладное в строительстве вообще и в строительстве нашего института в частности. Это медленное продвижение коммунистических кадров. Оно идет слишком медленно. Может быть, вина здесь и администрации в этом отношении. Во всяком случае, такого активного сопротивления в этом отношении, понятно, не могло быть и не было. Но во всяком случае и президиум Ленинской академии, и вы правы. Но как подойти к исправлению. Надо, товарищи, организовать действительную учебу. И здесь я обращаюсь к товарищу Быкову. Тут он сделал больше, чем кто-либо другой. Действительно, нужно взять от нас от специалистов все, что возможно, и создать действительную аспирантуру. Организовать изучение языков, ибо иначе без знания языков люди неграмотные, они не исследователи. И нужно организовать работу таким образом, чтобы максимум времени было использовано на эту подготовку. И я думаю, что большая часть из нас, я думаю, что огромное большинство, пойдет на это. Я все-таки достаточно знаю наших ученых и наш персонал. Вопрос в дефектах нашей организации, но как честные специалисты мы сделаем все для того, чтобы передать свои знания, сделаем все, чтобы помочь вам. В этом отношении очень много дефектов. Наши аспиранты растут очень медленно. Нужно перестроить работу, переорганизовать ее, чтобы действительно по сталинскому указанию, по указанию партии, по генеральному указанию сделать из вас настоящих специалистов.

Здесь много частных вопросов, на которые мельком позвольте ответить. Я думаю, что выделяя отдельные фигуры из нашей среды и для того, чтобы обвинить их, нужно иметь очень серьезные основания. Ярлык приклеить очень легко, вот снять его трудно. Я думаю, что все-таки в нашу интеллектуальную группу должна быть внесена известная четкость. Иначе, я уверен, вы можете сделать очень крупные ошибки. Я скажу, не останавливаясь на лицах, а так, для примера: вы бросили обвинение Пангалю⁷¹. А между тем нет ни одной другой секции, так блестяще поставленной в нашем составе, как секция бахчевых, но с больной головы на здоровую складывать обвинение нужно очень осторожно. Моя обязанность говорить больше общие соображения. Я должен указывать на то, что вы часто забываете, что вы находитесь в Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, в высшем научно-исследовательском учреждении. Мы пришли не для того, чтобы заниматься популяризацией. Для этого имеются соответствующие большие коллективы. Мы пришли, чтобы вести углубленную серьезную исследовательскую работу, и она должна быть у вас прежде всего. Для того, чтобы к ней подходить, нужно вдуматься, тщательно подходить и относиться к организации отдельных специальностей. Можно спустить учреждения вплоть до чтения лекций, ну, скажем, в красноармейских ротах. Это очень почтенное дело. Товарищ директор Института аспирантуры, не забывайте, что в общей стержневой установке мы все же есть высшее учебное учреждение, которое должно видеть не только сегодняшний день, но и заглядывать в будущее. Поэтому и теоретической работе нужно уделять как можно больше внимания. Вы критикуете вот монографии. Я готов слушать ваши доводы, если бы вы доказали мне, что есть другой путь оценки материалов, кроме пути

⁷¹ Пангалю Константин Иванович (1863–1965) – растениевод, руководитель секции бахчевых культур в ВИПБиНК/ВИРА в 1925–1946 гг.

монографий. Монография – это образец, краткое обобщение материала. Вам трудно усвоить иногда толстые тома, сотни тысяч томов, вы пугаетесь этого. Вам нужны шпаргалки. Но, товарищи, вы пришли в академию, и эти сто тысяч томов, это ерунда, это пустяки. Я своими знаниями почту своим долгом поделиться с вами и думаю, что я не один. А вот я три недели здесь в Ленинграде, и никто не пришел ко мне и спросил: Вавилов, поделись с нами, прими участие в нашей конкретной работе. Но я без ваших просьб знаю, что делать.

Я заканчиваю. Я знаю личным трудом, как трудно охватить современные знания, какую чертову работу надо сделать, чтобы вести научно-исследовательскую работу. Вам не место здесь, если вы не охватите сто тысяч томов. Сто тысяч томов вы должны охватить. А мы должны помочь вам в ближайшее время сделать это. Это наша обязанность. Будем строить Ленинскую академию, будем исследователями такими же, как Ленин. Его успех и знания объясняются в значительной мере той огромной работой над собой, теми огромными [пропуск], которыми владел этот колосс, а такими ярлыками, какими тут товарищи, бросались легко. И чаяновщиной, и антидарвинизмом. Правда, Чаянов ⁷² и Д[ояренко] ⁷³ это 2 врага нашего учреждения. Я должен указать, что никто столько палок в колеса не ставил, сколько эти 2 представителя, в развитие Института растениеводства (аплодисменты).

ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–56.

Документ № 4

Приложение к прот[отоколу] № 51 заседания секретариата Областкома П(б) от 9.VII–31 г. п. 6. «О работе ленинградских институтов Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина» (окончательная редакция)

Постановлением XVI съезда ВКП(б) на Сельскохозяйственную академию им. Ленина возложены огромные политические задачи всемерно способствовать социалистическому переустройству сельского хозяйства и форсировать разрешение продовольственной и сырьевой проблемы.

Ленинградские институты Сельскохозяйственной академии им. Ленина за последнее время добились некоторого перелома в направлении практического участия в разрешении проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства (сортоиспытание семян, поднятие урожайности, проблемы животноводства, кормодобывание, технические культуры и др.).

Однако обследование ленинградских институтов академии показывает, что приложение их научно-исследовательской работы к задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства до сих пор остается явно недостаточным.

Областком ВКП(б) отмечает следующие основные недочеты в работе ленинградских институтов Академии им. Ленина.

⁷² Чаянов Александр Васильевич (1888–1937) – российский экономист, социолог, арестован в 1930 г., расстрелян.

⁷³ Дояренко Алексей Григорьевич (1874–1958) – агрофизик, профессор Петровской сельскохозяйственной академии, арестован и выслан в 1929 г.

а) Партийная организация институтов не проявила большевистской настойчивости в проведении решений партии за выкорчевывание правооппортунистической практики по отдельным институтам и ячейкам коллектива ВКП(б), в результате чего носители правого оппортунизма не разоблачались перед партийной и советской общественностью. Не были мобилизованы в достаточной мере все силы институтов в борьбе за генеральную линию партии. Слабо развернута борьба с вредительством в то время, как аппарат институтов засорен чуждыми элементами; не велось достаточной и своевременной работы по изучению политических настроений специалистов, слабо проводилась работа по привлечению ценных специалистов к разрешению проблем социалистического строительства, недостаточно была политико-воспитательная работа среди научных работников.

б) Слабая увязка научно-исследовательской работы с социалистическим производством – совхозами, колхозами, а также и с/х организациями области, причем задания последних не находили должного отражения в практической работе институтов.

в) Институт аспирантуры был оторван от специализированных научно-исследовательских институтов, а последние в своей работе действовали разобщенно. Коммунисты института аспирантуры не были мобилизованы на действительное и скорейшее овладение необходимыми теоретическими знаниями и техникой научно-исследовательской работы.

г) Организационная структура институтов еще требует дальнейшего приспособления к требованиям социалистической реконструкции сельского хозяйства.

д) Отсутствует развернутая работа по изучению марксистско-ленинской методологии специалистами и по внедрению ее в научно-исследовательскую работу.

е) Социалистическое соревнование и ударничество не нашли надлежащего места в работе институтов.

ж) Слабость руководства институтами со стороны президиума академии.

Исходя из этого секретариат Областкома ВКП(б) предлагает:

1. Парторганизациям институтов развернуть широкую и подлинно большевистскую работу по проведению в жизнь лозунга т. Сталина «Об овладении техникой» и постановления Ленинградского областкома ВКП(б) от 14.IV–31 г.

Обеспечить наиболее широкий охват научных работников соцсоревнованием и ударничеством, добиваясь проверки качественного выполнения договоров и повышения активности производственных совещаний.

2. Выкорчевывание остатков вредительства, аполитичности, нейтральности, борьба за партийность в науке, разоблачение всех вредительских идеологий на основе самостоятельного глубокого изучения основных научных проблем – таковы основные вопросы, вокруг которых должна быть мобилизована вся масса партийцев, комсомольцев и советски настроенная часть специалистов.

Партколлективу и ячейкам ВКП(б) институтов провести решительную борьбу с правооппортунистической практикой, левыми загибами и примиренчеством к ним. Борьба за проведение генеральной линии партии и выполнение постановлений XVI съезда ВКП(б) должна стать основной задачей парторганизаций институтов.

3. Поставить систематическую воспитательную работу среди советски настроенных специалистов, перевоспитывая их в духе марксистско-ленинской идеологии, борясь с аполитичностью, академизмом и цеховой замкнутостью. Обеспечить достаточное руководство работой ВАРНИТСО⁷⁴ и СНР⁷⁵.

4. Октябрьскому, Петроградскому и Красногвардейскому райкомам ВКП(б) усилить повседневное руководство парторганизациями институтов и укрепить руководящий состав партячеек.

5. Основной задачей научно-исследовательской работы полагать теоретическую разработку проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства и в первую очередь вопросы, выдвинутые решениями XVI съезда партии и VI съезда Советов, связанные с разрешением проблем зерна, животноводства, кормодобыывания, технических культур и пр.

6. Взять решительный курс на установление связи с совхозами и колхозами, расширяя базу опытной сети непосредственно в последних и принимая активное участие в разрешении важнейших агрономических проблем крупных социалистических хозяйств.

7. Установить более четкое разграничение задач и содержания работ между общими и специализированными институтами, избегая параллелизма в их работе.

8. Установить более тесную связь научно-исследовательских институтов с с/х учебными заведениями и ЛОКА.

9. В связи с реорганизацией Института аспирантуры и передачи переподготовки аспирантов соответствующим отраслевым институтам необходимо до начала нового учебного года пересмотреть планы, программы и методы их подготовки, имея в виду большее внедрение марксистско-ленинской методологии при изучении специальных дисциплин.

10. Срочно закончить работу по становлению плана работ на 1931 г. и перспективных на пятилетку, доведя план до каждой производственной единицы внутри института. В практике работы реализовать решения Всесоюзной научно-исследовательской конференции по планированию, в особенности в области методологии планирования.

11. Партруководству институтов совместно с Сельхозгизом мобилизовать силы научных работников на издание популярной литературы для колхозов и совхозов (агротехника, организация труда и др.).

12. Просить ЦК ВКП(б) дать указания НКЗ СССР и Президиуму Сельскохозяйственной академии им. Ленина об усилении конкретного руководства научно-исследовательскими институтами, находящимися в Ленинграде, и создания соответствующей материальной базы.

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 1. Д. 323. Л. 13–13 об.

⁷⁴ ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству.

⁷⁵ СНР – Союз научных работников.

Документ № 5

[Из протокола Бюро коллектива ВКП(б) от 22 ноября 1931 г.]

СЛУШАЛИ:

2. Разное.

а) Заявление тов. ТИМОФЕЕВОЙ М. Г.⁷⁶ в Обком ВКП(б), переданное отделом кадров Обкома в бюро к[оллекти]ва ВИР для разбора.

Постановили: 1) Сообщение тов. ТИМОФЕЕВОЙ М. Г. о использовании ее не по специальности и т. п. считать неверным, так как парторганизация и дирекция предоставили ей полную возможность остального выбора работы и что тов. в настоящее время работает по своей прямой специальности (физиология растений).

2) Мнение о ее задвигании и т. п. также не соответствует действительности, так как: а) бюро коллектива само просило устроить тов. ТИМОФЕЕВУ М. Г. по ее личной просьбе, когда она не могла поехать в Саратов; б) Назначение после окончания аспирантуры в старшие научные сотрудники (учен[ая] спец[иальность] – профессор) не обязательно, выдвижение дается согласно успехам и качеств аспиранта.

3) Принять к сведению заявление тов. БАРЫШЕВА (пом. дир. по адм. хоз. части) о том, что он урегулирует вопрос о материальном положении тов. ТИМОФЕЕВОЙ.

4) Считать в дальнейшем недопустимым весьма слабое участие тов. ТИМОФЕЕВОЙ М. Г. в партобщественной работе, несмотря на полную возможность таковой со стороны тов. ТИМОФЕЕВОЙ.

5) Отметить полную необоснованность выпадов против ответсекретаря т. Альбенского⁷⁷ и считать их несостоятельными (при соответствующем запросе Обкома дать полный доклад по существу).

ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 72 об–73

Документ № 5**К протоколу. К заявлению тов. Тимофеевой**

По работе Всесоюзного института (так в тексте. – Э. К., С. Ш.) растениеводства в настоящий момент представляет из себя резко разделившийся коллектив – одна часть руководящих работников выполняет ряд заданий по заказам Наркомзема. К ним примыкают отчасти работники из отделов и секций, подготовляющие эти работы. Другая часть работников выполняет работы всецело институтские и дает фактический материал для дальнейшего развития центров происхождения и для закона гомологич[еских] рядов. ВАВИЛОВ сейчас переключился на центрирование плодово-ягодных, цветы. Но центрируя эти растения, он сейчас дошел до нанесения на карту уже не 8–12 центров, а целых 28, что и будет показано в его новой работе по центрам растений. От центров происхождения он сейчас как бы отошел к центрам формирования, но по существу теорию еще свою не

⁷⁶ Тимофеева М. Г. (1900–?) – аспирант в отделе физиологии растений.

⁷⁷ Альбенский Анатолий Васильевич (1899–1984) – дендролог, аспирант, секретарь парторганизации ВИРа в 1931–1932 г.

пересмотрел, хотя в своей новой работе «Линнеевский вид как система» он в ряде мест подчеркивает значение среды в видообразовании. Несомненно, что более четкая постановка им вопроса (но все еще очень недостаточная) вызвана несколькими причинами: а) втягиванием его в хозяйственную работу, что надо еще более углубить, особенно по президиуму академии; б) критикой его работ; в) общей критикой (после смены философского руководства) реакционных теорий по СССР; г) правильное партруководство; но наряду с этим надо отметить, что по Всесоюзному институту растениеводства существует ряд лиц, которые в этих хозяйственных вопросах почти не участвуют или участвуют сквозь зубы (Вульф ⁷⁸, Розанова ⁷⁹, Кулешов ⁸⁰, Рубцов ⁸¹, Попов М.Г., Синская ⁸²).

Кроме указанных выше причин на изменение взглядов ВАВИЛОВЫМ повлияло и ряд новых данных в науке, из которых, кроме заграничных, надо отметить работы КАРПЕЧЕНКО по получению из чистых короткополосых линий ячменя, что разбивают теорию о генонакоплении и геноклубках. Такова же работа КАРПЕЧЕНКО ⁸³ по скрещиванию между отдаленными родами через промежуточный гибрид.

Второй и наиболее важный удар получился по методологии ВИРа со стороны Лысенко ⁸⁴, который методом яровизации доказал, что скороспелость и прочие физиологич[еские] и даже морфологич[еские] данные не постоянны и никакого клубка из себя не представляют (из средиземноморских поздних пшениц выделил скороспелые или превратил в скороспелые сорта).

Вообще, сейчас в институте наметилась группа молодежи, которая заявляет, что нет распространения растений в культуре без человека, а только анализ соц[иально-]эконом[ической] истории дает в руки ключ к пониманию происхождения культ. растений. Они присоединяются к мнению, что центры надо все пересмотреть и называть их просто центрами разнообразия, что, как показал Лысенко, на что указывал еще в 1890 г. и Воейков А. Д. ⁸⁵, с 1905 г. процесс видообразования остановился в данной местности случайно и он должен и может быть продолжен.

Со стороны самого ВАВИЛОВА сохраняется (и ярко выражается это стремление) ботанич[еская] сортоописательная работа над растением, без экономических выводов. Новые отделы присоединяются к Всесоюз-

⁷⁸ Вульф Евгений Владимирович (1885–1941) – ботанико-географ, заведующий секцией эфиромасличных растений ВИПБиНК/ВИРа в 1926–1935 гг.

⁷⁹ Розанова Мария Александровна (1885–1957) – ботаник, систематик, генетик, эколог, растениевод, заведующая секцией ягодных культур ВИПБиНК/ВИРа в 1925–1940 гг.

⁸⁰ Кулешов Николай Николаевич (1890–1968) – растениевод, эколог, заведующий секцией кукурузы и сорго и заместитель директора ВИПБиНК/ВИРа в 1926–1933 гг. Арестован в 1933 г. и сослан в Иркутск.

⁸¹ Рубцов Григорий Александрович (1887–1942), заведующий отделом плодовых в ВИР.

⁸² Синская Евгения Николаевна (1889–1965) – ботаник, растениевод, специалист по виду, создатель и руководитель ряда секций ВИПБиНК/ВИРа в 1924–1941 гг.

⁸³ Карпеченко Георгий Дмитриевич (1899–1941) – цитогенетик, ботаник, заведующий отделом генетики ВИПБиНК/ВИРа.

⁸⁴ Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – агроном в Одесском генетико-селекционном институте с 1929 г.

⁸⁵ Воейков Александр Дмитриевич – заведующий сельскохозяйственной опытной станцией «Эхо» на станции Эхо Китайско-Восточной железной дороги.

ному институту растениеводства или механически, без должной увязки работ между отделами.

Обязанности Всесоюзного института растениеводства по пост[ановлению] август[овской] академии почти на 90 % приняты механически – 17 сент. – был Научный совет Всесоюзного института растениеводства, где был зачитан план отдела физиологии и в этом плане совершенно не получилось организационного руководства ВИРом над другими институтами. Все это только на словах, а не записано, не оформлено. А это наш лучший отдел. Что будет дальше, трудно сказать. Во всяком случае, создание планового бюро как опоры партколлективу крайне необходимо.

Как метод работы мы вводим хозрасчет с 1-го окт. по ряду тем и по плану 1932 г. 25 % тем должны вестись хозрасчетно.

Намечаем усилить втягивание в хозработу всех сотрудников; вовлечение в партию идет, но очень плохо. Весной со стороны коллектива не было проявлено смелости в этом вопросе – было отказано КРЕЙЕРУ⁸⁶, хотя он испытан по работе.

22-го сентября 1931 г. АЛЬБЕНСКИЙ.

ЦГАИПД СПб. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 74–74 об.

⁸⁶ Крейер Георгий Карлович (1867–1942) – ботанико-географ, заведующий секцией лекарственных растений в ВИПБиНК/ВИРа.